

Андрей Епатко

Карело-финские легенды о Соловках

В поисках раритета

Собирая источники по истории монастырей Приладожья, я стараюсь отыскать местные предания. Особую ценность имеют легенды о святых отшельниках и основанных ими монастырях. В Олонецком крае бытуют рассказы о Валаамской и Коневецкой обителях. Народные сказания существенно дополняют скудную житийную литературу, а в случае с Валаамским монастырем, житие основателей которого не сохранилось, сообщают ценнейшие сведения о заселении Валаама и основании на нем первоначальной монашеской общины.

Предания о приладожских монастырях приходилось собирать по лоскуткам. Их можно встретить в изданиях XIX в. — в «Олонецких губернских ведомостях» и в «Новом времени». Последнее издание иногда ссылалось на «Гельсингфорскую газету» и добавлялось: «с финского языка».

Очевидно, что предания о святых подвижниках Приладожья лучше сохранялись и бытовали среди местного карело-финского населения. С чем это было связано? Прежде всего с особенностью финского восприятия: сыны «Калевалы» впитывали в себя все события, которые в средние века происходили на их территории. Первоначальные поселения чуди, «паны», Смутное время, «война большого зла»¹ — ничто не ускользало от внимания народных сказителей. Особое место в фольклоре занимали «монашеские» предания. Колонизация отдаленных ладожских островов святыми отшельниками и последующее превращение пустыни в богатый монастырь крепко запечатлелись в памяти местных жителей.

Собирая отрывочные легенды, я, конечно, сожалел, что у меня нет времени и возможности ознакомиться с подлинными финскими источниками XIX в. Но вот однажды, когда заканчивал просматривать библиографию Валаама, в поле моего зрения попала ссылка на финское издание с ярким названием: «Legendat: kansankertomuksia Suomesta ja Karjalasta» (Легенды: народные сказания Финляндии и Карелии)². В комментариях кратко сообщалось, что книга была издана в 1981 г. в Хельсинки, и в ней упоминается Валаамский монастырь. Этого было достаточно, чтобы я заволновался. Мне надо было непременно найти это издание!

Однако можно представить мое разочарование, когда я узнал, что в библиотеках Петербурга «Легенд...» нет. Библиотечный обмен прекратился после распада Советского Союза. Что же оставалось делать? Ехать в Хельсинки?..

Отправляться за границу, к счастью, не пришлось: кто-то из библиотекарей вспомнил, что подобное издание может храниться в петрозаводском Карельском научном центре Российской академии наук. Я написал письмо директору этого института Ирме Муллонен, которая очень скоро откликнулась и подтвердила, что «Легенды...» находятся в их собрании. Г-жа Муллонен также любезно сообщила, что скоро будет участвовать в этнографической конференции в Петербурге и может захватить с собой это издание. У меня будет всего один вечер, чтобы пересмотреть «Легенды...» и скопировать страницы, относящиеся к монастырям.

¹ Так называли в Карелии русско-шведскую войну XVII в.

² Legendat: kansankertomuksia Suomesta ja Karjalasta. Helsinki, 1981.

Соловецкие мотивы в Приладожье

Просматривая главу «Монастыри», я обратил внимание, что помимо Валаамского в книге упоминались и другие приладожские обитатели: Александро-Свирская, Коневская, Андрусовская. Но каково же было мое изумление, когда я заметил среди финского текста знакомое слово «Solovetski». Соловецкий монастырь?.. Я пробежал текст далее. «Isossim» и «Savatij», упомянутые в тексте, не оставляли сомнений, что речь шла об основателях Соловецкого монастыря. Но почему же в карело-финских легендах, рассказывающих о становлении монастырской жизни в Приладожье, шла речь о знаменитой беломорской обители?

Мне оставалось только перевести тексты «Легенд...» на русский язык. После перевода я понял, какой ценный источник хранился между обложками этой книги: патроны Валаама, Соловков и Свирского монастырей предстали здесь совсем не такими, какими мы привыкли их видеть — глубокими старцами и подвижниками. В карело-финских преданиях святые описаны как братья, дерзнувшие отправиться на потусторонние острова в поисках лучшей жизни. Ничто мирское не чуждо этим, по-видимому, молодым людям — они ссорятся, мирятся, придирчиво выбирают место для основания монастыря и, наконец, разувшись в собственных силах, начинают тонуть по пути к заветному острову. Достигнув Соловков, братья расстаются. «Соловок» остается на Соловках, «Валаам» — отходит к Ладоге. «Строица» тоже возвращается на материк, откуда следует в восточное Приладожье, где на олонецком берегу основывает Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь.

От мотива «Трех монастырей» предания переходят к мотиву чудесного построения соловецкой крепости. В этом отшельникам помогает святой Мииккула (св. Николай) и белый волшебный конь.

Чем больше я вчитывался в «Легенды...», тем сильнее задавался вопросом: каким образом предания о беломорском монастыре попали в Приладожье и почему соловецкие святые так занимали карело-финское население Ладоги, даже назвавшее «Соловка» кровным братом «Валааму»?

Вероятный ответ можно найти в одном из преданий, где речь идет о Валаамских Чудотворцах и основании ими одноименного монастыря. По словам сказителя, он слышал эту легенду «от одного беженца из Беломорской Карелии», который сказал, «что эти предания правдивы»³.

³ Там же. С. 111.

Предположу, что предания о Соловках (и, как видим, о Валааме) принесли в Приладожье вынужденные переселенцы, которые по каким-то причинам бежали от Белого моря. Я бы отнес начало этого переселения к XVII в., когда в Беломорье началось Смутное время, связанное с активностью шведов в этом регионе и особенно борьбой Москвы со старообрядчеством.

Позднее подобные контакты усилились. Например, финский археолог Т. Швиндт, исследовавший древние курганы в Северо-Западном Приладожье (1879), записал следующее предание: «В Яккима не так давно приходили с русской стороны люди, которые спрашивали как раз о тех местах, где находятся клады. У них с собой были книги, взятые из монастыря Солокой (Соловки. — А.Е.)»⁴.

То, что в Приладожье в средневековье знали о существовании Соловецкого монастыря и почитали его святых, не удивительно. Как известно, прп. Савватий в начале XV в. сам был иноком Валаамской обители. Он же принес на Белое море самое раннее известие о Валааме. Вероятно, этим взаимным культурным проникновением можно объяснить тот удивительный факт, что население Ладожского озера поэтизировало Соловецкий монастырь в образе «Соловка» — старшего собрата «Валаама».

Несомненно, что цикл «монашеских» преданий, собранных в Приладожье, создавался не позднее конца XVII в. На это указывает архаичность легенд, где присутствует необычный мотив чудесного плавания на плите и упоминание кормового весла, которым прпш. Сергей и Герман правят, сидя на камне.

Когда и где были записаны эти предания?

Легенды записывались, в основном, в военное время — с 1935 по 1945 гг., то есть накануне и в самый разгар Финской кампании. Великая Отечественная война также прошла огнем по приладожской Карелии, но это не помешало финским фольклористам собрать здесь народные сказания о первых насельниках Валаама и Соловков. Это был настоящий научный подвиг!

Больше всего «соловецких» легенд собрано в Суйстамо — в 25 км к северу от Ладоги (три предания). По одному преданию было записано в Импилахти, Салми и Пороярви⁵.

Обратимся к легендам, составляющим цикл «Три монастыря».

⁴ Kansantaruja Laatokan luoteis-rannikolta kesällä 1879 koonnut Theodor Schwindt: Seudun kartta ynnä asemapiirustuksia. Helsingissä, 1883. P. 73. Перевод М.И. Петровой.

⁵ К сожалению, мне не удалось локализовать село Пороярви в Приладожской Карелии. Вероятно, оно уже не существует.

«На камени яко на корабли...»

Интерес карело-финнов к основателям трех знаменитых северных монастырей не случаен. В глазах приладожского населения — все они были люди неординарные. Только «сверхчеловек» мог отправиться на удаленные от материка острова, чтобы жить в одиночестве долгие годы. Морские воды, омывающие остров, отделяли отшельника от всего мирского. Теперь он являлся богоизбранным первооселенцем, вокруг которого постепенно создавался ореол святости.

Мотив «чудесного плавания» на камне, приводящего к основанию монастыря, довольно традиционный. Вспомним прибытие в Новгород на камне (или на мельничном жернове) Антония Римлянина. В нашем случае сказители связывают основание Соловков, Валаама и Свирской обители с одним значительным сюжетом — прибытием святого на остров на каменной глыбе⁶. В понимании карелов Соловки — святая земля. Недаром младший брат Строица (прп. Александр Свирский), покинувший остров и отправившийся на плите на материк, погружается в воду до колена. По мнению сказителя, это — кара за большой грех; ведь он не остался жить на Соловках. В другом предании, записанном в Пороярви, четко прослеживается влияние «Нового Завета» — расплата за неверие. Савватий здесь назван младшим братом Зосимы. Он удивляется, отчего камень, плывущий по Белому морю, не тонет. Сразу после этих слов камень начинает погружаться в воду, и лишь ободряющие слова Зосимы спасают положение.

К сожалению, неизвестно ни одной иконы, где были бы представлены Соловецкие Чудотворцы, плывущие по Белому морю на куске земной тверди. То же самое можно сказать о святых Валаама. Правда, в XIX в. в Валаамском монастыре была

стенная роспись, где Сергей и Герман «плыли», стоя каменной плите. Об этом в свое время сообщил выдающийся финский исследователь, собиратель «Калевалы» Элиас Леннрот.

Наибольшее развитие подобный сюжет получил в монастыре Антония Римлянина, где камень, на котором святой прибыл в Новгород с берегов Тибра, почитался как святыня. Он и сейчас лежит там; вы можете увидеть его в западном притворе храма Рождества Богородицы, справа от входа в собор. Камень представляет собой серый валун, овальный в плане, длиной 126 и шириной 94 см. Высота камня 37 см, нижняя его поверхность плоская, верхняя — немного выпуклая. История этой реликвии подробно отражена в источниках, благо о ней писали почти все, кто когда-либо посещал монастырь Антония Римлянина. Например, английский инженер Джон Перри, прибывший в Россию по приглашению Петра I, отмечал, что мельничный жернов Антония поставлен в церкви на ребро рядом с мощами святого (1699). «Русские утверждают, что сам Бог предохранил его до сих пор от разрушения, и смотрят на это, как на доказательство истинности вышеупомянутого чуда⁷, — отмечал он. Другой иноземец, также состоявший на службе Петра, Генри Брюс в 1714 г. посетил Антониев монастырь и застал «жернов св. Антония», уже лежащим у стен обители. Однако Брюс допустил оплошность, высказав русскому иноксу свои сомнения относительно этой святыни. «Я спросил монаха, с каким кораблем прибыл этот святой на своем мельничном жернове и как он прошел водопады в Ладожском озере?» — пишет он. Монах рассердился и сказал, что я неверный и нехристь, и удалился, не показав мне нетленного тела своего святого⁸. Более деликатным оказался голландский парусный мастер Ян Стрейс, посетивший Антониев монастырь в 1669 г. Он рекомендовал читателю самому решить, насколько правдоподобен рассказ о чудесном плавании на жернове Антония Римлянина⁹.

Историки нашего времени, в общем-то, разделили мнение Брюса, выразив сомнение в том, что культовый камень мог быть как-то реально связан с морским путешествием римского клирика. Единственный из исследователей, кто увидел в предании о камне святого Антония не только красивую легенду, а исторические реалии, был новгородский археолог Н.А. Макаров. Он выдвинул интереснейшее предположение, что

⁶ Финский фольклорист Матти Хавио писал, что этот сюжет выступает также и в преданиях о великанах и ведьмах.

⁷ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 110.

⁸ Беснятых Ю.Н. Новгород в «Россике» XVIII в. // Новгородский Исторический Сборник. 3 (13). Л., 1989. С. 139.

⁹ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 149.

«судя по форме и размерам, камень мог служить корабельным балластом. Последнее обстоятельство, — развивает свою мысль исследователь, — дало основание для рождения рассказа о «чудесном путешествии»¹⁰.

Согласно «Похвальному слову Антонию Римлянину», написанному в середине XVI в., легендарный камень пролежал более четырех веков на берегу Волхова близ монастыря, «видим всеми но небрегом»¹¹. Летописец беспристрастно отметил, что камень никого, собственно, не интересовал до тех пор, пока Антоний не стал широко почитаемым новгородским святым; только тогда реликвию торжественно перенесли в Рождественский собор. Любопытно, что даже по прошествии четырех столетий народ помнил, что камень, лежащий на берегу Волхова, связан с путешествием Антония Римлянина. Хотя стоит ли этому удивляться? Спустя полторы тысячи лет после плавания аргонавтов в Колхиду древнеримскому историку Арриану показывали в окрестностях Фасиса (нынешнего Поти) железный якорь с корабля «Арго», мирно лежащий на берегу реки Риони¹².

«Кто стены строил? Великан стесывал!»

Вернемся к «братьям», плывущим на Соловки... Теперь ясно, что мотив чудесного путешествия на каменной глыбе имеет новгородские корни и отражает реалии морского путешествия. Любой из Преподобных — будь то Сергей Валаамский или Савватий Соловецкий, отправляясь на *свой остров*, должен был придать парусному судну остойчивость посредством груза или камней. В противном случае карбас мог перевернуться. Словом, на Бога надейся, а балласт укладывай...

Кстати, знакомясь с преданиями о Чудотворцах, замечаешь, что «Соловок» и соответственно Соловецкий монастырь выступает в роли старшего брата по отношению к Валаамской и Свирской обителям. «Соловок» не только назван первым среди трех братьев, но он еще построил на своем острове очень большую избу. Чтобы подчеркнуть величину монастыря, сказитель дважды упоминает слово «большой». Это очень правдоподобная деталь: Соловецкая обитель действительно значительно крупнее обоих приладожских монастырей, не говоря уже о том, что русское правительство всегда

рассматривало Соловки как важный приграничный форпост, фактически являющийся государственной крепостью.

О Соловецкой крепости, точнее, о ее чудесном строительстве упоминают другие карело-финские предания. В них отражено народное впечатление от возведения этого мегалитического шедевра фортификационного искусства. Вспомним, что «великая царская крепость» поразила в свое время сербского архидиакона Павла Алешского, услышавшего о северном кремле следующее: «Говорят, что его стены громадны, неприступны, из больших диких камней; рассказывают, что эти святые [Зосима и Савватий] заставили работать дьяволов над сооружениями монастырских стен»¹³.

В приладожских легендах чудесную помощь при строительстве крепости оказывают более добропорядочные силы: белый конь возит камни на санях, а святой Мииккула помогает поднимать валуны на стены. Не остается в стороне и Сам Господь, который превращает влагу на камнях в целительную воду; падая с крепостных стен, она лечит больные глаза. Одно из преданий приписывает Богу главную заслугу в деле возведения крепости: Он помогает строителям держать кладку на уровне земли (камни сами уходили вниз). А когда «монастырь был готов», стена за одну ночь поднялась из земли.

Любопытно, что схожие мотивы были записаны в 1971 г. в деревне Ламбасручей (к северу от Онежского озера):

— Кто поднимал? Кто стесывал [стены соловецкие]?

— Конь поднимал. Великан стесывал¹⁴.

Подобный мотив о чудесном строительстве крепости встречается и в предании, записанном в 1967 г. в Пудожском районе:

¹⁰ Макаров Н.А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. № 2. С. 207.

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 69.

¹³ Алешский П. Путешествие антиохского патриарха Макария в Москву в середине XVII в. СПб., 1898. С. 126.

¹⁴ Северные предания (Беломоро-Онежский регион). Л., 1978. С. 25.

— Как Соловки строили? Каменья возили на белом коне. День работают, а ночью уходит все в землю! Господи, Господи... Дровни вот какие были, как изба. Ну и конь-то уж, конечно, был не маленький¹⁵.

Но если уклониться от волшебных мотивов и внимательнее присмотреться к местным преданиям, в них прослеживаются исторические реалии, имевшие место при возведении Соловецкой крепости: валуны тащили на санях, запряженных лошадьми. Иногда камни «были слишком большие для саней», которые часто ломались и проваливались под лед вместе с грузом. Упоминается большое количество мастеров, прибывших на время строительства крепостных стен. Легенды повествуют, что по мере того, как поднималась стена, строителям пришлось пользоваться лестницами. В какой-то момент «было не поднять большие камни на стену»¹⁶; тогда верхнюю часть стен решили докладывать кирпичами.

Удивительно, как народная память зафиксировала этапы строительства Соловецкой крепости и трудности, которые были связаны с ее возведением. Но более всего изумляет, что эти легенды достигли берегов Ладожского озера, где карело-финское население связало беломорских Чудотворцев со своими местными святыми, основателями приладожских монастырей.

Прошли столетия... У каждого из монастырей сложилась своя история, быть может, неравноценная, но все равно славная. Храмы давно вросли в землю, а их каменные полы стерлись под ногами паломников. Сами Угодники канонизированы и почивают под сенью возведенных ими церквей. Кажется, все устоялось и замерло. Но совершилось чудо; благодаря поэтическим финским легендам, сохранившимся в Приладожье, Преподобные снова поплыли к восходу — навстречу своим заветным островам. В руках святых — кормовые весла, усталые глаза преследуют горизонт...

Покуда Соловок, Валаам и Строица веруют, твердыня под их ногами не утонет... Чудная плита с шумом рассекает морскую пучину, унося отшельников навстречу далекой земле. Последуем же и мы за ними.

ТРИ МОНАСТЫРЯ¹⁷ (финские легенды)

***

Было три брата. Однажды они задумались. Один сказал:

— Я буду на этом острове [на Соловецком]. И остался.

Другой брат пришел на берег Ладоги. Лодки у него не было, и тогда он поплыл на каменной плите пятьдесят верст до острова Валаам. Он был святой человек, поскольку камень его нес.

А третий брат поселился в Строице на Петровском острове, на котором и поныне стоит монастырь.

Тот первый брат остался в Соловках. Построил там избу большую, очень большую.

Суйстамо, 1945

***

Раньше старые люди говорили, что Строица, Валаам и Соловки были братьями. Они все поплыли на каменной плите на остров Соловки. Прибыли они туда, посмотрели тот остров, и Соловок захотел там жить. И построили там монастырь.

Брату Строице не понравилось жить на острове. Он сказал, что здесь жить не хорошо, и ушел. Другие братья отвечали, что иди тогда на материк, устраивай там свою жизнь, раз ты не хочешь здесь жить.

Когда он поплыл на каменной плите, он погрузился в воду до колена, поскольку совершил большой грех, не остался жить на острове. Он вернулся и основал монастырь в Строице. Валаам позднее тоже ушел и основал монастырь на острове Валаам.

Суйстамо, 1936

Соловецкий монастырь

Святой направился в Соловки (Solouhkoihin). Он искал себе товарища. Смотрел и увидел в поле мужчину, папущего землю. Сказал:

— Отправляйся вместе со мной, ты станешь моим товарищем.

Ну, они отправились. Они отправились на Соловецкий остров. И тот, кто взял мужчину в товарищи, был из них старшим. Он подумал:

— Этот мужчина станет моим товарищем.

Они отправились на Соловецкий остров. Потом другой спросил:

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Legendat... P. 115.

¹⁷ Публ. по «Legendat: kansankertomuksia Suomesta ja Karjalasta». Helsinki, 1981. P. 111–112, 114–116. Пер. А.Ю. Епатко.

— Ну, что теперь?

Третьим товарищем им стал белый конь.

— Ну, сейчас начнем здесь работать. Начнем строить крепость. Это подходящее место. Здесь будет хороший монастырь. Ни о чем не жалею. К нам будут приходить люди.

Они начали таскать камни и строить крепость. Они пошли в лес, и белый конь был третьим. Они положили камень в сани. Отправились с камнем в путь. На пути была река или пролив. Камень был слишком большой для саней. Один из мужчин подумал:

— Конечно, конь смог бы потащить, если лед выдержит.

Лед проломился. Камень скатился с саней в море. Другой знал и сказал:

— Почему ты так подумал? Если бы ты не подумал, лед бы не проломился, и камень не упал бы в море.

Ну, так как лед все-таки проломился, надо было достать камень. Они молились святому Мииккуле:

— Святой Мииккула, кормитель, помоги нам поднять камень!

Ну, они достали камень. Установили его к стене за дверью крепости. И с камня все падали капли воды. Народ приходил туда, и люди дотрагивались пальцами до камня и мочили свои глаза каплями воды. Глаза выздоравливали. Бог сказал так:

— Я же был там, когда поднимали камень. Я сказал Святому Мииккуле: «Поднимем камень, потому что святители построили здесь монастырь».

Этими святыми были Изоотей и Саваатей (Izootey ja Savaatei). Они построили монастырь.

Салми, 1935–1940

***

Жили были два брата. Старшего звали Изосим (Isossim), младшего Савватий (Savatiij). Они ехали через Белое море на камне. Младший брат подумал:

— Почему мы не тонем?

Тогда камень начал уже немного тонуть.

Старший брат сказал:

— Что ты думаешь о пустом, мы доберемся.

Доехали они на камне до Соловецкого острова (Solovetskooin saarta). На острове они собирались построить монастырь. Три недели они думали:

— Как мы назовем это место?

Когда они, наконец, сказали, что назовем Соловецкий, тогда камень причалил к берегу.

Затем они принялись строить церковь, пришло много мастеров. То, что удавалось сделать за

день, ночью всегда оседало. Камень, на котором они приехали, надо было положить на дверь. Они подумали:

— Как мы поднимем этот камень?

Утром, когда они пошли посмотреть, камень сам поднялся на дверь.

Пороярви, 1936

***

Когда построили стену Соловецкого монастыря (Solovetskin luostarin), она совсем не поднималась, всегда была только на уровне земли. Однажды вечером рабочие вздохнули:

— Эта работа никогда не закончится.

Когда следующим утром опять пришли на работу, стена поднялась так сильно, что нужно было пользоваться лестницей, с помощью которой они поднимались. Ну и тяжело же им пришлось: было не поднять большие камни на стену, а верх надо было уложить из кирпича. Бог сказал одному монаху во сне:

— Если бы вы укладывали безропотно, было бы легче укладывать, когда стена была всегда на уровне земли. Она оставалась бы там, пока не была бы готова, и только тогда бы поднялась. Но когда вы стали нервничать раньше времени, можете укладывать оставшееся наверху.

Имплахти, 1936

***

Соловецкий монастырь строили только двое мужчин, вдвоем строили. Все, что они делали, всегда уходило под землю. Всегда камни уходили в землю. Однажды утром, когда они пришли, монастырь был готов: он поднялся высоко в воздух.

Бог всегда делал так, что при строительстве монастырь уходил в землю, но за одну ночь он поднял его из земли.

Суйстамо, 1939

Рисунки финского художника